

На правах рукописи

Долгорукова Наталья Михайловна

**«ЛЭ» МАРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ ЕЕ
ВРЕМЕНИ**

Специальность 10.01.03 - литература народов стран зарубежья
(литературы Европы)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2014

Работа выполнена в Отделе классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук

Научный руководитель:

Евдокимова Людмила Всеволодовна, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН «ИМЛИ им. А. М. Горького РАН»

Официальные оппоненты:

Михайлова Татьяна Андреевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры германской и кельтской филологии ФГБОУ ВПО
«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Забабурова Нина Владимировна, доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой теории и истории мировой литературы ФГБОУ ВПО
«Южный федеральный университет»

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Защита состоится 25 февраля 2014 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 002.209.01 по филологическим наукам в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

Автореферат опубликован на сайте ВАК 24 декабря 2013 г.
Адрес объявления на сайте ВАК:

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. В. Журбина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В диссертации впервые в широком литературном и социокультурном контексте исследуется сборник из двенадцати лиро-эпических поэм, принадлежащих перу первой французской поэтессы и созданный при дворе Генриха II Плантагенета – «Лэ» Марии Французской. Важными слагаемыми этого контекста служат историографические сочинения об истории Британии и ее обитателей – древних бриттов (труды Гальфрида Монмутского и Васа), а также латинские трактаты, созданные при дворе Генриха II, первые произведения молодого Кретьена де Труа («Филомена», «Эрек и Энида»), лирика современных Марии трубадуров и анонимные лэ.

Актуальность исследования определяется тем, что до сих пор не существует ни одного исследования, с достаточной полнотой раскрывающего избранную нами тему, – «Лэ» Марии Французской в контексте литературы ее времени. Между тем такое исследование представляется крайне важным. Оно позволяет выявить зависимость лэ Марии от литературной теории XII века, в том числе от актуальных в то время дискуссий о соотношении «правды» и «вымысла». Кроме того, оно дает возможность по-новому интерпретировать причины, по которым Мария Французская решила обратиться к кельтским сказаниям, пересказав их на народном французском языке. Сопоставление лэ с куртуазными лирическими стихотворениями трубадуров, ее современников, позволяет во многих случаях назвать источники образов, метафор или художественных форм, к которым обращается Мария, а также оценить степень влияния куртуазной культуры на ее творчество. Сравнение лэ Марии Французской со стихотворной хроникой Васа способно пролить свет на ее литературный замысел, состоявший в создании сборника из двенадцати лэ. Наконец, изучение лэ в связи с латинскими трактатами, писавшимися при дворе Генриха II Плантагенета, и романами Кретьена де Труа позволяет воссоздать общий интеллектуальный климат, в котором творила Мария, а

тем самым и выявить важные социальные и культурные импульсы, которые оказывали на нее воздействие.

Степень разработанности темы

Мария Французская (Marie de France) – один из самых знаменитых авторов французского Средневековья; ее творчество привлекает внимание исследователей всего мира на протяжении уже четырех столетий. Если в начале ученых занимал вопрос о возможных авторах двенадцати лэ¹ и еще двух произведений, с XVIII века приписываемых Марии (французского перевода собрания басен «Ромул», известного в Средние века, а также религиозно-дидактической поэмы «Чистилице св. Патрика» – предположительно перевода трактата английского монаха цистерцианца Генриха Солтрейского «Tractatus de Purgatoris sancti Patricii»), то в настоящее время практически никто не сомневается в ее авторстве². В последние десятилетия исследования творчества Марии Французской сконцентрированы главным образом на нескольких основных проблемах.

Существует немало важных – в том числе и для нашей работы – исследований, посвященных изучению кельтских и, шире, фольклорных мотивов в ее лэ. Здесь в первую очередь надо отметить две работы знаменитого кельтолога начала XX века Т.П. Кросса, в которых он сравнивает мотивы, встречающиеся в двух лэ Марии, с мотивами ирландских саг³. Упомянем, кроме того, работы французских медиэвистов Люсьена Фуле и Шарля Фулона, а также отдельные статьи, посвященные анализу

¹ См., например, книгу Рихарда Баума, который считает, что Мария не является автором приписываемых ей сочинений: *Baum R. Recherches sur les oeuvres attribuées à Marie de France*. Heidelberg, 1968. Только одна из пяти дошедших до нас рукописей лэ Марии Французской содержит тексты всех двенадцати лэ и Пролога, открывающего повествование – так называемая рукопись Н – British Museum, ms. Harley 978 f° 118–160.

² См., например, статью в Словаре французской литературы: *Dictionnaire des lettres française. Le Moyen Age*. P., 1992. P. 991–993.

³ *Cross T.P. The celtic origin of the lay of Yonec // Revue celtique*. 1910. Vol. 31. P. 413–471; *Cross T.P. The celtic elements in the lays of Lanval and Graellant // Modern Philology*. 1915. Vol. 12. P. 585–644. Ср. его же «Указатель мотивов раннеирландской литературы (*Cross T.P. Motif-index of Early Irish Literature*. New York, 1969.). См. также: *Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Guigemar // Medium Aevum*. 1962. Vol. 31, №3. P. 176–187; *Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Yonec // Etudes Celtique*. 1961. Vol. 9. P. 501–520.

кельтских мотивов в ряде лэ Марии: У.Т. Холмса, Р.Н. Илингворфа, Е. Брюггера, И. Понтфарси, О.М. Джонстона, П. Джонина и др.⁴

Что касается влияния фольклорной традиции на «Лэ» Марии и произведения ее современников, отметим здесь классические работы Эрнста Хепффнера, работы медиевиста и издателя Марии Французской Лоренс Арф-Ланкнер, а также отдельные статьи М.Х. Фергюсон, Ф. Суарда и др.⁵

Авторов многих исследований привлекает концепция любви в сборнике лэ. Однако в них, на наш взгляд, часто недооценивается влияние куртуазной культуры на Марию Французскую. Так, Ф. Менар отмечает: «Хотя лэ Марии Французской и свойственен легкий налет куртуазности, в сущности, им глубоко чужда мифическая *fin'amors*»⁶. Исследователь крайне осторожен в выводах и считает, что в лэ прослеживаются традиции фольклорной сказки, однако ощущается и «налет» куртуазной традиции с «психологическими» описаниями чувств, свойственных ряду героев рыцарских романов и куртуазных новелл⁷. Другие исследователи, касавшиеся этой темы, приходят к сходным заключениям. Так, автор статьи «Куртуазная идеология в лэ Марии Французской» Б. Винд отмечает, что в лэ нет «настоящей куртуазной любви»; поэтессе, полагает он, абсолютно чужда куртуазная казуистика. По его выводам, в лэ Марии женщина играет столь скромную роль, что

⁴ Foulet L. Marie de France et les lais bretons // Zeitschrift für romanische Philologie. 1905. Vol. 29. P.19–56, 293–322; Foulon Ch. Marie de France et la Bretagne // Annales de Bretagne. 1950. Vol. 71. P. 330–344; Holmes U.T. A Welsh motif in Guigemar // Studies in Philology. 1942. Vol. 39. P. 11–14; Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Guigemar // Medium Aevum. 1962. Vol. 31, № 3. P. 176–187; Illingworth R.N. Celtic tradition and the lai of Yonec // Études celtiques. 1961. Vol. 9. P. 501–502; Brugger E. The celtic element in the lays of Lanval and Graellent // Modern Philology. 1914. Vol. 12. P. 585–644; Pontfarcy Y. de. Le Lai des deus amanz et la survie en Normandie d'un mythe celtique authentique // Actes du 14e Congrès international arthurien. Rennes, 1985. T.2. P. 500–508; Johnston O. M. Sources of the lay of the Yonec // Publications of the Modern Language Association. 1905. Vol. 20. P. 332–338; Jonin P. Merveilleux celtique et symbolisme universel dans Guigemar de Marie de France // Mélanges Jeanne Wathelet-Willem / éd. Jacques de Caluwé. Liège, 1978. P. 239–255; Jonin P. Merveilleux et voyage dans le lai de Guigemar // Seneffiance. 1976. Vol. 2. P. 275–287.

⁵ Hoepffner E. Marie de France et les lais anonymes // Studi medievali. 1931. Vol. 4. P. 1–13; Hoepffner E. La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // Romania. 1930. Vol. 56. P.1–32; Hoepffner E. Les Lais de Marie de France. P., 1971; Harf-Lancner L. La reine ou la fée: l'itinéraire du héros dans les Lais de Marie de France // Amour et merveille: les "lais" de Marie de France / éd. Jean Dufournet. P., 1995. P. 81–108; Harf-Lancner L. Les fées au Moyen Âge. Morgane et Mélusine. La naissance des fées, P., 1984; Ferguson M. H. Folklore in the Lais of Marie de France // The Romanic Review. 1966. Vol. 57. P. 3–24; Suard F. L'utilisation des éléments folkloriques dans le lai du Frêne // Cahiers de civilisation medieval. 1978. Vol. 21. P. 43–52; Suard F. Bisclavret et les contes du loup-garou: essai d'interprétation // Mélanges de langue et littérature françaises du Moyen Âge et de la Renaissance offerts à Monsieur Charles Foulon. Rennes, 1980. T. 2. P. 267–276.

⁶ Ménard Ph. Les lais de Marie de France, Contes d'amour et d'aventure du Moyen-Age. P., 1979. P.136

⁷ В своей обзорной книге Ф. Менар касается и других проблем: таких, как происхождение жанра лэ, соотношение анонимных лэ и лэ Марии; он анализирует, кроме того, возможность влияния на нее романов «античного цикла», а также фольклорных произведений.

едва ли можно говорить о воздействии на нее куртуазной культуры⁸. «Элидюк» Марии Французской назван здесь «анти-куртуазным лэ»; в заключении делается вывод о том, что хотя куртуазный «аспект» и присутствует в лэ Марии, все же «куртуазное начало не стоит в центре» сборника и не составляет его смысла⁹.

Авторы целого ряда статей сравнивают лэ Марии с произведениями античной и/или средневековой литературы: особенным вниманием пользуются «Метаморфозы» Овидия¹⁰, средневековые хроники и романы – «История бриттов» Гальфрида Монмутского, «История англвов» Гэймара, «Роман о Бруте» Васа, «Роман о Фивах», «Роман об Энее», романы о Тристане, романы Кретьена де Труа, «Галеран Бретонский»¹¹.

Еще одна проблема, привлекавшая внимание исследователей, – жанровые контуры лэ и их соотношение с другими нарративными краткими формами. Эти вопросы рассматриваются, в частности, в монографии К. Рингер, в статьях Ч. Ли, О. Жодоня, Л.В. Евдокимовой и др.¹².

⁸ Wind B.H. L'idéologie courtoise dans les lais de Marie de France // *Mélanges de linguistique romane et de philologie médiévale offerts à M. Maurice Delbouille, professeur à l'Université de Liège*. P., 1964. T. 2. P. 741

⁹ *Op. cit.* P. 748. Упомянем еще одно исследование, автор которого, касаясь куртуазного аспекта лэ, без всяких оснований модернизирует средневековый материал. Сборник лэ назван здесь «Куртуазной Комедией»; предлагается типологическая классификация героев лэ, в которой есть «интроверты» и «сдержанные пуритане», «развращенные сенсуалисты» и «развращенные идеалисты», «отличные спортсмены» и «спортсменки». См.: *Damon S. F.* 1929. Vol. 44. P. 968–996. Еще одно модернизирующее исследование подобного рода: *Bloch R. H.* The Anonymous Marie de France. Chicago; London, 2003. Здесь речь заходит об эпистемологии и экзистенции, вспоминаются имена Фрейда и Ролана Барта; Мария именуется не иначе как средневековый Джойс и экзистенциальный писатель. Блох рассматривает жанровую систему средневековой литературы в рамках гендерной школы, однозначно увязывая тот или иной жанр с гендером адресата: так, шансон де жест или фэблию апеллировали к мужчинам, тогда как лэ и романы сочинялись для женщин.

¹⁰ См., например, следующие статьи: *Cargo R.T.* Marie de France's Le Laustic and Ovid's Metamorphoses // *Comparative Literature*. Vol. 18, No. 2. P. 162–166; *Getz S. H. K.* Echoes and Reflections of Enigmatic Beauty in Ovid and Marie de France // *Speculum*. Vol. 73. No. 2. P. 372–396; *Getz S. H. K.* Echoes and Reflection: Memory and Memorials in Ovid and Marie de France. Amsterdam, New York, 2003.

¹¹ См., например, следующие статьи: *Foulet L.* Marie de France et la légende de Tristan // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1908. Vol. 32. P. 161–183, 257–289; *Salverda de Grave J. J.* Marie de France et Eneas // *Neophilologus*. 1925. Vol. 10. P. 56–58; *Wilmotte M.* Marie de France et Chrétien de Troyes // *Romania*. 1926. Vol. 52. P. 353–356; *Hoepffner E.* La géographie et l'histoire dans les Lais de Marie de France // *Romania*. 1930. Vol. 56. P. 1–32; *Hoepffner E.* Les Lais de Marie de France dans Galeran de Bretagne et Guillaume de Dole // *Romania*. 1930. Vol. 56. P. 212–235; *Hoepffner E.* Marie de France et l'Eneas // *Studi medievali*. 1932. Vol. 5. P. 272–308; *Franc G.* Marie de France and the Tristram legend // *Publication of the Modern Language Association of America*. 1948. Vol. 63, №2. P. 405–411; *Hofer St.* Zur Beurteilung der Lais de Marie de France // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1950. Vol. 66. P. 409–42; *Wolf-Bonvin R.* Du Lai du Freisne à Galeran de Bretagne. La fabrique des filles-fleurs // *Ce est li fruis selonc la letre. Mélanges offerts à Charles Méla / éd. Olivier Collet*. P., 2002. P. 571–590.

¹² *Ringer K.* Die Lais. Zur Geschichte einer Gattung der altfranzösischen Kurzerzählung. F/ a M. 1966; *Lee Ch.* Dinamica interna della narrativa breve antico-francese // *Medievo romanzo*. 1981–1983. T. 8. P. 381–400; *Jodogne O.* Le fabliau. Bepols, 1975; *Evdokimova L.* Les dénominations génériques des récits brefs au XIIIe siècle et leur place dans le système des genres : quelques réflexions sur la notion du genre au Moyen Age // *Etudes médiévales*. T. 3. Amiens, 2001. P. 210–219. Cp. также: *Dubuis R.* Les formes narratives brèves // *Grundriss der romanischen Literatur des Mittelalters*. T. VIII/ 1. Heidelberg, 1988.

Существует, наконец, группа работ, где с разной степенью глубины изучаются вопросы о степени эрудиции Марии Французской и о той интеллектуальной среде, в которой она жила и творила. М.Л. Занони убедительно доказывает, что Мария читала одно из сочинений Присциана¹³. В недавнее время К. Росси вновь вернулась – уже на новом этапе – к обсуждению гипотез о том, кем была Мария Французская, и в этой связи к вопросу о ее образованности и окружающей ее интеллектуальной среде¹⁴. Образовательная программа кентерберийских интеллектуалов из окружения Томаса Бекета (Иоанн Солсберийский, Вальтер Мап, Петр Блуа и, возможно, Алан Лилльский) оказывается созвучной программе, которую поэтесса формулирует в эпилоге «Чистилища св. Патрика», и, как считает Росси, именно благодаря принадлежности к этой среде Мария обращается к темам, которые были так дороги архиепископу и его окружению (например, к теме забвения и памяти, одной из центральных в прологе к сборнику «Лэ»). Однако гипотеза Росси, заключающаяся в том, что Мария Французская была сестрой Томаса Бекета, не нашла поддержки у медиевистов¹⁵.

В «Новой истории французской литературы» творчество Марии вписывается в контекст современной ей провансальской лирики трубадуров и французской лирики труверов и рыцарских романов, однако, согласно данному исследованию, прямого влияния они на творчество Марии не оказали¹⁶.

В России творчеству Марии Французской до сих пор не было уделено должного внимания. В самом начале XX века А.А. Смирнов, ученик А.Н. Веселовского, избрал темой своего научного исследования лэ французской поэтессы. В своей книге «Из истории западно-европейской литературы» одну главу Смирнов посвящает лэ Марии. Здесь можно найти пересказы и анализ отдельных лэ поэтессы, их фольклорных мотивов. Смирнов приходит к выводу, что поэтесса

¹³ Zandoni M.L. "Ceo testimoine Prescien", Priscian and the Prologue to the Lais of Marie de France // *Traditio*. 1980. Vol. 36. P. 407–415.

¹⁴ Rossi C. Marie de France et les érudits de Cantorbéry. P., 2009.

¹⁵ См., в частности, следующие рецензии на книгу: Brucker Ch. Comptes rendus // *Cahiers de civilisation médiévale*. 2009. Vol. 52. P. 439–441; White-Le Goff M. Comptes rendus (par année de publication des ouvrages) // *Cahiers de recherches médiévales et humanistes*. 2009. URL: <http://crm.revues.org/index11761.html>. Consulté le 20 janvier 2011; Сычева (Долгорукова) Н.М. Рецензия на книгу: C.Rossi Marie de France et les érudits de Cantorbéry // *Вопросы литературы*. 2012. №2. С. 486–487. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/2/s14.html> (11.11. 2013).

¹⁶ A New history of French literature / ed. by Denis Hollier. L., 1989. P.51.

вносит в народные источники довольно мало изменений. «Личная трактовка фольклорного сюжета у нее еще не вполне обособилась, не отделилась от народной формы его бытования»¹⁷. Есть, кроме того, небольшие главы в учебных пособиях по истории зарубежной и французской литератур, хрестоматиях, которые знакомят студентов с первой французской поэтессой и ее творчеством¹⁸.

Завершая обзор литературы, скажем о книгах, которые хотя и не были специально посвящены анализу лэ Марии Французской, однако представляют безусловный интерес для нашей работы. Это исследования по французской средневековой литературе Рето Беццолы, Доминика Буте¹⁹ и Моше Лазара²⁰.

Обзор критической литературы, посвященной творчеству Марии Французской, показывает, что вопрос о влиянии на нее куртуазной культуры и поэзии трубадуров до сих пор не получил достаточно глубокой и полной разработки. Не существует исследований, в которых «Лэ» Марии рассматривались бы в контексте современной ей литературной теории, в связи с важнейшими для этого времени категориями «правды» и «вымысла». Остались обойдены вниманием ученых и авторы латинских трактатов, проявлявшие интерес к прошлому Бретани, кельтским сказаниям и мифам, наконец, кодексу поведения воспитанного светского человека; между тем привлечение этого сравнительного материала позволяет более полно воссоздать литературный и культурный контекст, в котором творила Мария. Эти лакуны и призвана восполнить диссертация.

Объектом исследования является сборник «Лэ» Марии Французской.

Предмет исследования – влияние на творчество Марии Французской ее старших (Гальфрид Монмутский, Вас, авторы латинских трактатов, трубадуры) и младших (Кретьен де Труа) современников.

¹⁷ Смирнов А.А. Из истории западно-европейской литературы. М.; Л, 1965. С. 98.

¹⁸ См., например, следующие учебные пособия: Луков Вл. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 74-75; Ловернья-Ганьер К. История французской литературы: Краткий курс: Précis de littérature française: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К. Ловернья-Ганьер, А. Попер, И. Сталлони, Ж. Ванье; под ред. Д. Берже; [пер. с франц. Т.А. Левиной; науч. ред. рус. текста Е.Д. Мурашкинцев]. М. 2007. С. 34-36; Зарубежная литература средних веков: Хрестоматия / Сост. Б.И. Пуришев; предисл. и подг. к печати В.А. Лукова. 3-е изд., испр. М., 2004. С. 266–269.

¹⁹ Boutet D. Histoire de la littérature française du Moyen Age. P., 2003; Boutet D. Charlemagne et Arthur ou le roi imaginaire. P., 1992.

²⁰ Lazar M. Amours courtois et fin' Amors dans la littérature du XII siècle. P., 1964.

Материал исследования – «Лэ» Марии Французской, «Historia Regum Britanniae» Гальфрида Монмутского, роман Васа «Брут», латинские трактаты Вальтера Мапа, Гервасия Тильберийского и Даниэля Бекклезианского, «Филомена» и «Эрек и Энида» Кретьена де Труа, кансоны трубадуров XII века (Бернарта де Вентадорна, Фолькета де Романса, Пейре Видаля, Гильома IX Аквитанского и др.), анонимные лэ конца XII века – начала XIII века.

Методология исследования. Научно-теоретическую базу диссертации составили работы крупнейших отечественных и зарубежных специалистов в области средневековой культуры: М.М. Бахтина, А.Н. Веселовского, А.Д. Михайлова, Л.В. Евдокимовой, М.Л. Андреева, Э. Ауэрбаха, Х.-Р. Яусса, Ж. Ле Гоффа, Б. Гене и др. В ходе формирования общей концепции диссертации руководством служили теоретические и историко-литературные исследования в области медиевистики Е.М. Мелетинского, М.Л. Гаспарова, И.К. Стаф, А.Я. Гуревича, А. Струбеля, Э. Баумгартнер, Л. Арф-Ланкнер, Н. Кобл, Д. Буте, Ж. Серкильини-Туле и др.

В основе диссертационного исследования лежат следующие методологические принципы: 1) исторический подход к изучению жанров и произведений Средних веков; 2) компаративный подход к анализу мотивов и сюжетов, их влияний и взаимодействия; 3) метод рецептивного анализа, герменевтико-интерпретационный, интертекстуальный, сравнительно-типологический методы.

Цель работы состоит в том, чтобы уточнить место «Лэ» Марии Французской в контексте литературы ее времени и показать, в чем выразилось влияние историографической традиции, латинских трактатов и лирики трубадуров на ее поэтический сборник.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач**, определяющих основные этапы исследования:

1. Сопоставить «Лэ» с историографическими сочинениями о древних бретонцах и Бретани;
2. Проследить взаимное влияние между творчеством Марии Французской и ее знаменитого современника, романиста Кретьена де Труа;

3. Проанализировать «Лэ» Марии в контексте поэзии трубадуров;
4. Проследить эволюцию жанра лэ в начале XIII века на примере анонимных лэ.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем фактом, что в предлагаемой работе впервые системно исследуется сборник «Лэ» Марии Французской в контексте современной ему литературы (хроники, романы, лирика трубадуров, латинские трактаты); определяется особая роль романа Васа «Брут» для формирования литературного замысла Марии (создание сборника из двенадцати лэ).

В диссертации детально анализируются особенности «Лэ» Марии и влияние на них лирики трубадуров, прослеживается судьба жанра лэ и его пародийное осмысление (на примере анонимного лэ «Развратник»); благодаря привлечению сопоставительного материала предлагается новое прочтение ряда лэ. В научный оборот российской медиевистики вводится целый ряд старофранцузских и латинских произведений, которые ранее либо не становились объектом изучения, либо оставались на периферии исследовательского интереса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сборник «Лэ» Марии Французской отмечен влиянием произведений Гальфрида Монмутского и Васа. Не исключено, что и самый ее замысел, состоявший в создании сборника из двенадцати лэ, был внушен пространной стихотворной хроникой историографа Генриха II Плантагенета. Вас, вслед за Гальфридом Монмутским, славил военную доблесть бретонцев и живописал их подвиги; задачей Марии становится рассказ о том, что уже в древние времена нравы бретонцев были вежественными, благородными и утонченными, – иначе говоря, во многих отношениях отвечали новому для того времени куртуазному идеалу человека и видению общества. Идеализации военных деяний бретонцев отвечает, таким образом, идеализация их светских нравов: подобное изображение древних обитателей Бретани встраивалось в историко-культурный миф, который создавался писателями, жившими при дворе Генриха II.

2. В тех лэ, где речь идет о превращениях героев в животных и птиц («Бисклавре», «Йонек»), Мария Французская опиралась на модель, которая была почерпнута ею в переводах «Метаморфоз» Овидия, выполненных молодым Кретьеном де Труа. Таким образом, Мария создала аналог «латинских метаморфоз» – новые, «бретонские метаморфозы».
3. Мотивы, пришедшие в сборник «Лэ» Марии из бретонских сказаний, не вступали в противоречие с мотивами лирики трубадуров, но, напротив, легко встраивались в куртуазный универсум.
4. Привлечение нового сопоставительного материала позволяет показать, что некоторые метафоры и образы, использованные Марией, имеют явный куртуазный генезис (лирика трубадуров); куртуазным влиянием отмечена и лексика ее лэ.
5. В XIII веке жанр лэ эволюционирует, и мы можем наблюдать примеры пародийного восприятия жанра анонимными авторами. При этом героями пародии становились не персонажи, не темы, не мотивы и не сюжеты, но сам жанр лэ в том виде, в каком он предстает в сборнике Марии Французской.

Теоретическая и практическая значимость работы. Исследованный материал позволяет коснуться нескольких проблем, имеющих более общее значение. Рассматривая лэ в широком литературном контексте, мы показываем, в частности, что эти поэмы, внешне далекие от политической проблематики, неизбежно обретали явное социальное звучание в определенной среде. Входящий в первую главу нашей диссертации раздел о значениях терминов «*historia*», «*argumentum*» и «*fabula*» у Исидора, Макробия и, далее, у авторов XII века, имеет значение для создания истории категорий «правда», «вымысел» и «правдоподобие», – важнейших для литературы нескольких столетий.

Сопоставляя лэ с поэмами трубадуров, мы одновременно исследуем механизмы взаимодействия фольклора, народной культуры и авторской поэзии. Поскольку лэ Марии были переложениями кельтских сказаний на французский язык, наше исследование имеет отношение и к проблеме перевода – и шире – к любому процессу рецепции иноземной литературы; проблемы перевода латинского текста на

народный язык и его усвоения в новой литературной среде мы касаемся и в разделе о Васе. Наконец, мы затрагиваем и проблематику эволюции жанра и возникновения пародии.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты, материал, анализ произведений, общие выводы могут быть использованы в курсах лекций, спецкурсов, спецсеминаров по истории зарубежной литературы Средних веков, анализу и интерпретации текста, теории литературы; при создании комплексных исследований в области жанровой поэтики, специфики литературы французского Средневековья, при написании учебных и учебно-методических пособий для студентов-филологов.

Апробация работы. Результаты исследования применялись при чтении автором учебного курса по истории литературы Франции Средних веков, при разработке учебно-методического комплекса по данной дисциплине.

По материалам исследования опубликовано 16 научных статей, 7 из которых в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки России. Результаты работы докладывались и обсуждались на XV международной научно-практической конференции школе-семинаре им. Л.М. Скрепиной (Нижний Новгород, 2011), международном коллоквиуме «Памятник средневековой литературы глазами историка и филолога. Взаимодействие и конкуренция подходов» (Москва, 2012), научной конференции «Поэтика, история литературы, текстология в контексте культурной динамики» (Москва, 2013), международной конференции «Белые чтения» (Москва, 2013).

Структура диссертации определяется общей концепцией исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения и библиографического списка, включающего 297 наименования использованной литературы. Общий объем диссертации составляет 189 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, раскрывается степень разработанности проблемы в зарубежных и российских работах, определяются цель и задачи исследования, научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту; на основании анализа общего пролога, открывающего сборник «Лэ», реконструируются биография Марии Французской и ее творческие принципы.

В первой главе «**Время истории, время авантюры: Гальфрид, Вас, Мария**» предметом рассмотрения становятся историографическое сочинение Гальфрида Монмутского «*Historia Regum Britanniae*» и его перевод на старо-французский язык, принадлежащий историографу Генриха II Плантагенета Васу (роман «*Brut*») в сопоставлении со сборником «Лэ» Марии. Оба произведения были посвящены истории заселения острова Британия Брутом, внуком Энея, и последовавшими за ним троянцами, которые принимают имя своего предводителя и начинают называться «бретонцами».

В первом параграфе – «*“Inter historiam et argumentum et fabulam”*: контуры литературной теории на рубеже XII века» – на основании анализа соответствующих произведений Исидора Севильского, Макробия и Вальтера Мапа дается краткий экскурс в историю тесно связанных между собой понятий «*historia*», «*argumentum*» и «*fabula*».

Семантика данных понятий оказывала существенное влияние на авторов повествовательных произведений XII века (в том числе на Кретьена де Труа и Марию Французскую) и обуславливало их представления об «истории». В своем «Комментарии на “Сон Сципиона”» Макробий предлагает многочленную классификацию родов вымысла, различающихся как по степени удаления от «правды» (событий, имевших место в действительности), так и по степени благопристойности. В его классификации границы между вымыслом и «правдой» предстают менее четкими, более размытыми, чем, например, у Исидора. В Средние века классификация Макробия служила опорой для авторов, использовавших

легендарный или фольклорный материал, поскольку позволяла находить в нем и часть «правды», и моральный смысл. Позднее, в XII веке, Вальтер Мап (1140 – ок. 1210), придворный Генриха II Плантагенета, еще сильнее затушевывает различия между «историей» и вымыслом. В своем главном труде «О шутках придворных» Вальтер склонен скорее не противопоставлять «историю» и «басню», но объединять эти две нарративные категории, поскольку цель и функция у них одна – наставлять: «И история, основанная на истине, и басня, что сплетена из вымысла, приносят счастье своим благополучным окончанием, ведь добродетель торжествует и осуждает нечестивцев на горестную смерть, – и та, и другая показывают, сколь отвратителен порок»²¹.

Нечеткость разграничения «правды» и «вымысла», частичное или полное совпадение их функций, а также возможность объединить их в одном и том же произведении оказались значимыми для самых разных писателей, о которых речь идет в этой главе: для Вальтера Мапа, который порой пересказывает бретонские сказания, не вынося им никакой критической оценки, а также, как показано в следующих параграфах, для Гальфрида Монмутского, Васа и, вне сомнения, для самой Марии Французской. Однако доля вымышленных и «правдивых» элементов, а также характер их соединения были различными у каждого автора.

Во втором параграфе – «Вымысел в средневековой историографии: Гальфрид и Вас» – на основе сопоставления сочинений Гальфрида Монмутского и Васа мы приходим к выводу, что диффузность категорий «правды» и «вымысла», значимая для литературной теории XII века, имеет значение и для Гальфрида, и для его последователя Васа. Последний еще более стирает границу между ними, сближая свой роман с «недостоверным повествованием» («*narratio fabulosa*», термин принадлежит Макробию), истинным в своей основе, но содержащим множество

²¹ *Walter Map. De Nugis Curialium. Oxford, 1983.* («*Nam historia, que ueritate nititur, et fabula, que ficta contextit, et bonos fine florenti beant, ut ametur benignitas, et fedo malos dampnant interitu, uolentes inusiam reddere maliciam*»). Интересно отметить, что примерно те же мысли будет высказывать еще один придворный историк Генриха II Плантагенета, Иоанн Солсберийский. Так, в прологе к его «Металогикону» читаем следующее: «Я не обещаю, что все, написанное здесь, является истинным, пусть оно будет истинным или ложным, я удовольствуюсь тем, что написанное может послужить прославлению добродетели и предложить пример жизни». В «Поликратике» Иоанн развивает эту мысль: «Басни смешаны здесь с серьезными рассказами, а ложь с истиной, чтобы, в конечном счете, все сказанное с достаточным основанием полагалось на высшую истину». (Цит. по: *Aurell M. La légende du roi Arthur 550 – 1250. P., 2007. P. 120*).

вымышленных элементов. Разумеется, в случае Васа этот сдвиг коррелирует с его обращением к стихотворной форме романа на народном языке и, тем самым, к новой аудитории. Как и другие переводчики, создававшие вольные переложения латинских текстов, Вас разъясняет и упрощает оригинал. Как и другие авторы, передающие прозу стихами, Вас вводит в свой текст дополнительные детали, эпитеты, анафоры, описания, прямую речь, – все это органично встраивается в стихотворное повествование, к этому располагает избранная им стихотворная повествовательная форма. В то же время нельзя сказать, что работа Васа сводится к той, какую обычно осуществляли создатели подобных переводов: сравнительно с ними, Вас значительно усиливает сказочную составляющую своего переложения, вводя в него дополнения, не укладывающиеся в рамки задач средневекового переводчика. Есть основания полагать, что осуществленный им сдвиг в понимании «правды» и «вымысла» не остался незамеченным и Марией Французской.

В третьем параграфе – «Вас и Мария Французская: от историографии к поэзии» – мы показываем, что Мария Французская, которая, как было установлено, читала произведение Васа, решает заполнить лакуну в его романе и описать тот период мира в государстве короля Артура, когда бретонцы отдыхали от войн, осветив, таким образом, бретонцев с «куртуазно-авантюрной» стороны, а не с военной, что уже было сделано предшественником. Мы полагаем, что Мария Французская написала свои двенадцать лэ в дополнение к хронике Васа, освещая жизнь бретонцев, их нравы и их чудесные приключения. При этом важно отметить, что Мария проводит четкую границу между «историей», *estoire*, и своими повестями об авантюрах бретонцев, которые она никогда не называет «историей».

Итак, изучение «Лэ» в контексте историографических сочинений старших современников Марии позволяет пролить свет на ее общий замысел, состоявший в том, чтобы дополнить квазиисторическое сочинение Васа о военных деяниях и подвигах бретонцев рассказом об их благородных нравах и чудесных приключениях.

Вторая глава «Бретонская интертекстуальность: Мария Французская и Кретьен де Труа» содержит сравнительный анализ «Лэ» Марии Французской и

произведения ее, быть может, самого знаменитого современника, автора романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, Кретьена де Труа.

О творчестве Марии, как и о творчестве Кретьена, написано очень много, о сопоставлении творчества Марии и Кретьена – на удивление мало. Возможно, это объясняется тем, что ни Мария, ни Кретьен ни разу не упомянули друг друга на страницах своих произведений. Некоторые ученые касаются в своих работах сходств и различий между этими авторами (Э. Хепффнер, Э.Ж. Микель, Р.Х. Блох, М. Вильмот) , однако на сегодняшний день нет ни одной монографии, посвященной их систематическому сопоставлению.

Есть основание полагать, что Кретьен де Труа оказывал на Марию Французскую непосредственное влияние. Между произведениями обоих авторов, помимо этого, прослеживаются и многочисленные косвенные переклички или взаимные отсылки, – иначе говоря, интертекстуальные связи, которым и уделяется внимание во второй главе данной работы.

Оба автора жили во Франции и Англии, возможно даже встречались. Их объединяет общность культурной атмосферы, царившей при дворе Генриха II, круг читательских интересов и писательских предпочтений.

В сборнике «Лэ» Марии Французской обнаруживаются многочисленные отсылки к произведениям Кретьена – в том числе несохранившимся; они, помимо прочего, позволяют рассматривать некоторые повести Марии, посвященные сказочным превращениям людей в животных и птиц («Бисклавре», «Йонек»), как своеобразную «бретонскую» версию античных «Метаморфоз» Овидия, переведенных молодым Кретьеном.

В свою очередь, Кретьен также не раз дает понять, что ему знакомы лэ; иногда он прямо ссылается на них, как, например, в «Эреке и Эниде», иногда развивает и усиливает встречающиеся в лэ Марии Французской образы и отдельные мотивы, как, например, в «Персевале»; иногда, по-видимому, вступает в полемику с Марией, например, в «Клижесе» или в несохранившемся романе о Тристане и Изольде.

В третьей главе «“Лэ” Марии Французской: бретонские сказания и влияние трубадуров» продолжено исследование литературного контекста, в

котором были созданы лэ Марии Французской: проводится сопоставление лэ с лирическими поэмами современников Марии – трубадурами. Полемизируя с исследователями, которые недооценивали влияние трубадуров на Марию Французскую, мы показываем, что многие метафоры и образы лэ непосредственно восходят к лирическим песням трубадуров. Мария обогащает свои переложения кельтских сказаний ключевыми концептами куртуазной лирики, утонченным анализом психологических переживаний; монологами и диалогами, отмеченными несомненным куртуазным влиянием. Более того: мы предполагаем, что Мария Французская обратилась к «бретонскому материалу» в силу того обстоятельства, что некоторые сюжетные элементы кельтских сказаний легко встраивались в систему куртуазных ценностей и представлений (и там, и тут женщина главенствует в любовных отношениях; и там, и тут любовь мыслится прежде всего как адюльтер; кроме того, как в кельтских повестях, так и в поэзии трубадуров встречается мотив превращения влюбленного в птицу). Эти тезисы проясняются в главе при сопоставлении лэ Марии, с одной стороны, с кельтскими источниками, с другой, – с поэмами трубадуров и другими произведениями куртуазной литературы, которые могли быть ей известны.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в «Лэ» система ценностей куртуазного универсума накладывается на «бретонский материал», который вследствие этого глубоко трансформируется: Мария освобождает кельтские сказания от их наиболее архаичных языческих элементов, обогащает ключевыми понятиями лирики трубадуров (например, «радость» или «мера»), развернутыми психологическими монологами, быть может, наиболее ранними из тех, что были написаны на народном северофранцузском языке; в ряде лэ можно заметить, наконец, и влияние отдельных жанров провансальской лирики – любовной эпистолы («salut d'amor») и тенсоны.

В четвертой главе «Ближайшие наследники Марии Французской и судьба жанра лэ в конце XII – начале XIII вв.» прослеживается история развития жанра лэ. Авторы анонимных лэ, созданных в конце XII – начале XIII вв., по большей части подражают Марии Французской. Благодаря их произведениям жанр лэ

обретает четкие контуры: это характерный бретонский хронотоп, с соответствующими топонимами и упоминаниями бретонцев, а также вполне определенные сюжетные элементы.

В анонимных лэ мы то и дело встречаем бретонцев, которые, как в лэ Марии, «сложили это лэ» («firent le lai»). Их герои – рыцари, короли и дамы, которыми наполнены и «Лэ» Марии. Король Артур, который у Марии Французской появляется лишь однажды (в лэ о «Ланвале»), здесь встречается значительно чаще.

Иногда авторы лэ «облагораживают» жанр, сближая его с произведениями ученой словесности: они настаивают на «правдивости» повествования (порой так поступала и Мария Французская, – например, в лэ «Жимолость») и одновременно пишут о книжном происхождении этого жанра.

Таким образом, уже к началу XIII века жанр лэ как бы застывает, обретая ясные и, по-видимому, хорошо узнаваемые аудиторией признаки: краткую повествовательную форму, сказочный бретонский хронотоп, бретонцев в качестве протагонистов и создателей лэ.

Процесс формирования жанра лэ сопровождается появлением пародийных текстов, в которых характерные жанровые признаки остраниются, переосмысляются, помещаются в новый контекст. О таком переосмыслении жанра свидетельствует, в частности, анонимное лэ «Развратник», в котором героем пародии выступает не персонаж, тема, мотив или сюжет, но сам жанр – жанр лэ, в том его виде, как он оформляется в сборнике «Лэ» Марии Французской.

Анонимные лэ свидетельствуют о том, что лэ Марии пользовались успехом в определенной среде: даже если количество рукописей, сохранивших ее лэ, не столь велико, анонимные произведения указывают, что лэ Марии были известны средневековой публике, сочинители анонимных лэ отвечали, так сказать, на некий запрос аудитории.

Вместе с тем анонимные лэ отражают и важнейшие процессы, характеризующие в это время французскую литературу в целом: кодификацию фольклорных по своему генезису жанров, которые включаются в область

литературы и получают устойчивые черты; сближение народной и ученой литературы, которое в XIII веке будет все более и более интенсивным.

Со временем, однако, жанр лэ начинает восприниматься как чрезмерно «возвышенный», «благородный» и, быть может, именно поэтому слишком сказочный, – так возникает потребность в снижающей и обновляющей жанр пародии. «Бретонские сказания» и раньше вызывали известный скептицизм у некоторых авторов (на это мы указывали в главе I), – в данном случае перед нами новое оживление спора между теми, кто воспринимал эти сказания без какой-либо отстраненности, и теми, кто относился к ним иронически, настороженно, а то и с прямым осуждением.

В Заключении изложены основные выводы исследования, намечены пути дальнейшего изучения проблемы.

Мы попытались по возможности полно воссоздать литературный и социально-культурный контекст, в котором были написаны «Лэ» Марии Французской. Интеллектуальный климат, в котором творила Мария, отличался известным единством импульсов и интересов, – писатели, жившие при дворе Плантагенетов, создавали своего рода историко-культурный миф, призванный способствовать политической и социальной консолидации королевства. В этот контекст вписываются и «Лэ» Марии. Не случайно Мария обращается к творчеству историографа Васа – ее лэ отмечены несомненным влиянием этого писателя, и не исключено, что самый ее замысел, состоявший в написании сборника из двенадцати лэ, внушен пространной стихотворной хроникой этого историографа.

Вас воспевал бретонцев – храбрых и мужественных воинов, Мария ставит перед собой задачу рассказать о вежественных бретонцах – благородных, утонченных, учтивых и влюбленных рыцарях.

В «Лэ» Марии, таким образом, эпическая традиция кельтских сказаний и стихотворной хроники Васа естественным образом сочетается с влиянием куртуазной лирики. Мария отдает предпочтение тем сюжетным элементам кельтских повестей, которые легко встраивались в куртуазный универсум, одновременно освобождая их от явного наследия язычества и обогащая ключевыми

концептами куртуазной лирики, а также утонченным анализом психологических переживаний, монологами и диалогами или же метафорами и образами, которые непосредственно восходят к лирическим песням трубадуров.

Анализ лэ в сопоставлении с произведениями наиболее известного современника Марии – Кретьена де Труа – позволил нам, кроме того, выявить многочисленные связи между произведениями этих двух писателей. Вне сомнений, Мария знала ранние произведения Кретьена, который был для нее, наравне с трубадурами, одним из литературных и культурных ориентиров.

Мария, таким образом, полностью меняет культурный и литературный статус бретонских сказаний, насыщая их французские переложения реминисценциями из произведений современных ей писателей, облагораживая героев в соответствии с новой светской моралью и сообщая своим рассказам известный лоск сказочной идеальности.

У ее ближайших последователей этот лоск становится более ярким. Жанр лэ оформляется, складывается устойчивый бретонский хронотоп – неперенная составляющая лэ.

Тем самым жанр лэ, как и другие фольклорные по происхождению литературные формы, сближается с произведениями ученой культуры; сходные процессы характеризуют эволюцию и других жанров французской литературы XIII века. К концу XIII века жанр прекращает свое существование, постепенно сближаясь с фавлю и «сказами».

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях автора общим объемом 6,2 п.л.

Публикации в журналах, входящих в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Кельтская легенда в лэ Марии Французской «Жимолость» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. №3. С. 127–131. – 0,4 п.л.
2. Кельтская традиция и куртуазия в лэ о «Ланвале» Марии Французской // Преподаватель XXI век. 2012. №1, Ч. 2. С. 358–384. – 0,4 п.л.
3. Вымысел в средневековой историографии: случай Гальфрида Монмутского // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 217–220. – 0,4 п.л.
4. «Inter historiam et argumentum et fabulam»: контуры литературной теории на рубеже XII века // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 213–216. – 0,4 п.л.
5. Историография на службе у поэзии: Вас и Мария Французская // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 2013. Вып. 3 (33). С. 66–74. – 0,5 п.л.
6. Звезда зарубежной поэзии? Мария Французская в переводе Вероники Долиной // Вопросы Литературы. 2013. № 5. С. 473–483. – 0,5 п.л.
7. Ближайшие наследники Марии Французской и судьба жанра лэ в конце XII – начале XIII веков // Вестник РГГУ. 2013. № 21 (в печати). – 0,5 п.л.

Статьи в журналах, научных сборниках и материалы конференций:

8. Wace et Marie de France: projet historiographique au service du projet littéraire // L'oeuvre littéraire du Moyen Age aux yeux de l'historien et du philologie / éd. L. Evdokimova, V. Smirnova. P.: Editions Classiques Garnier, 2014 (à paraître) – 0,4 п.л.

9. Мифологическая основа «Лэ о Ланвале» Марии Французской // Филологическая наука в XXI веке. Взгляд молодых: Сборник статей. М.: Прометей, 2008. С. 196–201. – 0,2 п.л.
10. Пролог к сборнику лэ Марии Французской // Всемирная литература в контексте культуры: Сборник научных трудов по итогам XX Пуришевских чтений / Отв. ред. М.И. Никола. М.: МПГУ, 2008. С. 45–51. – 0,3 п.л.
11. Пролог к сборнику лэ Марии Французской // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, А.И. Андреев. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486 + Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. [Адрес ресурса: <http://www.lomonosov-msu.ru/2009/>]. – 0,2 п.л.
12. Лэ о Ланвале Марии Французской, или Почему король должен умереть // MACGNIMRADA. КЕЛЬТЫ: ЯЗЫК, ПОЭТИКА, МИФОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ: Материалы конференции: Молодые кельтологи – 2. М.: ТЕЗАУРУС, 2009. С. 48–52. – 0,3 п.л.
13. «Бретонский материал» в жанре лэ // XXII Пуришевские чтения: «История идей в истории жанров» / Отв. ред. Е.Н. Черноземова. М.: МПГУ, 2010. С. 139–140. – 0,1 п.л.
14. «Que devendreit sa curteisi / S'ele n'amast de drüerie?». Лэ об Эквитане: кельтский материал vs. Куртуазия // Научные труды молодых ученых-филологов IX. М., 2010. С. 175–179. – 0,3 п.л.
15. Кельтские и куртуазные мотивы в «Лэ о Йонеке» Марии Французской // Французский язык и культура Франции в России XXI века: материалы XV международной научно-практической конференции Школы-семинара им. Л.М. Скрединой. Нижний Новгород 27-28 сентября 2011 г. Н. Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. С. 227–230. – 0,3 п.л.

16. Кельтская легенда в лэ о Жимолости Марии Французской // Романские языки и культуры: от античности до современности: V международная научная конференция романистов: Москва 27-28 ноября 2009 г.: Сборник материалов / Сост. М.А. Косарик, Л.И. Жолудева. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 309–317. – 0,4 п.л.
17. Птицы, послания и посланники в лэ Марии Французской: «бретонский материал» и/или лирика трубадуров? [электронный ресурс] / Н. М. Долгорукова // Studia Humanitatis. 2013. №2. Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/dolgorukova-nm-pticy-poslaniya-i-poslanniki-v-le-marii-francuzskoy-bretonskiy-material-iili>. – 0,6 п.л.